

МАКСИМ ЕРШОВ

“НАДЕЖДЫ” ДЕВЯТНАДЦАТОГО ГОДА

Надежды наши всегда делятся на оправданные и неоправданные. С одними понятно: были они, и нет. Другие опять-таки делятся, со временем, на сбывшиеся и несбывшиеся. Правда, тут сразу не скажешь, надо смотреть. Редактор, конечно, уже смотрит, своим постоянным вниманием к той или иной литературной надежде выражая своё авторитетное мнение. Но то оценка с одного берега. Чтобы получилось эхо, нужен отзвук. Беспокоиться о нём – обязанность всякого, кто по сей день считает литературу серьёзным делом.

В августе 2019 года увидел свет новый выпуск журнала “Наш современник”, посвящённый творчеству молодых поэтов, прозаиков и публицистов. Публикации эти маркируются рубрикой “Наши надежды”. То есть редакция видит в этих писателях талантливых и достаточно зрелых представителей молодого поколения в литературе. Прочитав номер, могу сказать, что оценка писателей редакцией в полной мере соответствует действительности. Перед нами молодые писатели-реалисты, всем своим вниманием погружённые в российскую действительность, в присутствующую в этой действительности историю, прорастающее в ней будущее. Элемент субъективизма (восприятия), для всякой хорошей литературы необходимый, а для современной и неизбежный, здесь не является основой. Внутреннее преломление мира, даже если оно становится главной мотивирующей силой (что происходит у этих авторов редко, если вообще происходит), вызвано тем, что писатель делает своё (своего героя) стихийное переживание призмой, в которой приобретает своё значение этот же самый мир, функцией которого остаётся литература.

Когда номер дочитан, становится понятно, что многие надежды, в общем-то, уже сбылись, а значит, стали актуальностью. Это ободряет, но налагает новую ответственность. Время наше в культурологическом смысле переломное. Поэтому должно быть хотя бы это. Хотя бы эхо...

Александр Тихонов

*Разъятая на органы страна:
На лес, на нефть, на золотые жилы.
В глубинке, где пригрелась тишина,
Ждут городских поэтов старожилы.*

*Неужто я так беспросветно глуп,
Раз вижу немощь в этой древней силе?
Шесть лавок, восемь стульев — сельский клуб,
Куда нас со стихами пригласили.*

*Здесь пели ветры испокон веков.
Теперь тайга всё реже и плешивей.
И страшно в этом царстве стариков
Хоть парой строк, хоть парой слов сфальшивить.*

Вот стихотворение-вопрос. Судя по подборке, лучше всего Тихонову удаются пятистопники. Традиционность этих стихов могла бы насторожить, если бы не два обстоятельства. Стихи талантливые, они имеют в себе единство образа и смысла, среды и языка. Да, рама именно таких строк остаётся единственно естественной для разговора вне МКАД, вне Города вообще. Для разговора с людьми, не только с тусовкой. Пройдёт время, и поэт будет меняться. Поручкой тому состояние “творческого соответствия жизни”, которое можно увидеть и сегодня. Изменения неизбежны, закоснение — гибель, и Александр это увидит.

Пока же вот его стихотворение-ответ:

*На влажных рельсах — брызги тишины
И отсветы от фонарей окрестных.
Здесь свет земной вбирает свет небесный
И делает земное неземным.
Сквозь сумрак утекают поезда.
Стучат-стучат... и исчезают в дымке.
Висит над миром блёклой невидимкой
Пронзительно-последняя звезда.
Её едва возможно разглядеть
В космическом пространстве надо мною.
А ей ещё лететь-лететь-лететь...
Из горних высей. Становясь земною.*

Когда та или иная тема требует писательского участия, очень важно сначала ощутить, определить как единственно верную ту точку, с которой будет простирается организующий художественное поле взгляд. Можно сказать, что это ракурс “оптики”, а можно назвать “оптику” лампой. Многое зависит от источника света.

Агата Рыжова написала необходимый и очень верно построенный рассказ-монолог о трагедии в торговом центре “Зимняя вишня” в Кемерове в марте 2018 года. Масштаб трагедии, гибель десятков детей так “оборвали” ширмы повседневной городской благополучной размеренности, что это стало шоком для всякого живого сердца. Беда сделала вдруг очевидной всю относительность, всю уязвимость пресловутых безопасности и стабильности. Хуже того, гибель и бессилие перед ней обнажили сущность экономической мистификации, фантазмами которой мы живём. Один гештальт для всякого очевидца событий сменился другим. И в каждой живой груди заболел осколок своей совести. Странно, но только большая смерть, только эта, по сути своей, гекатомба позволила людям почувствовать себя внутренне живыми. Реакции, слова, ритуальность, может быть, одно, но подо всем этим — другое: “И ты прислушиваешься, всматриваешься в себя, сопоставляешь. Потому что совсем другой мир вокруг. И вот ты живёшь и смотришь, как ты живёшь, как ты себя здесь чувствуешь. Голая нервная система. Обмениваешься сигналами с другими нервными системами, мол, какая большая беда, мол, переживаю вот, и тебе отвечают то же. Город — одна голая нервная ткань. Будто все мы стали нервными клетками города. Наверно, беременные так же прислушиваются к себе: “Что там, внутри?” Город, беременный бедой”.

Очень верный язык для своего репортажа выбрала Рыжова. Беда исчезнет с экранов и забудется. Поэтому и надо было зафиксировать случившееся искренним монологом-запlachкой, небольшой исповедью-отчётом героини. Когда смерть приводит жизнь к общему знаменателю, писатели пишут рассказы о том, что этот знаменатель опасно мал. Ещё не понимание, но ощущение пластмассового дыма в воздухе возрождает способность не просто взгляда, но видения. Хотя бы ненадолго — до следующего раза, столь же рокового и страшного. Но такова жизнь.

В № 8 за 2019 год опубликована повесть Ирины Михайловой “Я не боюсь”. Название переключается с названием рассказа Агаты Рыжовой “А я здесь живу”. Перед Михайловой стояла большая задача, так как “направления” реаль-

ной жизни, которыми шла Ирина, могли соединиться только на достаточно большом пространстве жизни и, соответственно, текста. Должно быть, горизонт задачи для автора стал отодвигаться в процессе создания повести. И заканчивать текст пришлось, так сказать, на полуслове. Тем не менее, на мой взгляд, произведение свою задачу – во-первых, разговора о современной молодёжи, вырастающей в социуме, сама социальность которого принимает всё более условные формы, и, во-вторых, пробы автором своих сил в “большом” жанре, – задачу, объединённую как два в одном, решает.

Школьники выходят в жизнь. Школа для них – скучная обязанность, и кому как не учителю “русского и лит-ры” Михайловой знать об этом. Родители для них не пример, а скорее, источник боли, ещё один рубеж непонимания. Остаётся улица и интернет, то и другое – джунгли. Странно, насколько мало изменилось в нашей жизни с конца 1980-х, когда интернета ещё не было, а кастеты у детей стали появляться. . .

Михайлова поставила себе задачу, решение которой далось ей не без трудностей. Тем не менее, образы старшеклассника Данила, студентки Алёны, матери Данила ей удались. Паренёк из бедной московской семьи за неимением привлекательных и реальных альтернатив стихийно, то есть полусознательно, приходит к политическому протесту. Образ этого протеста, которого не видит российская провинция, в повести также один из “героев”.

У протеста нет перспектив. И нет их у Данила и его “наставника” Димы. Оба они будут работать на некоего оборотистого Тимура. Страшная, уничтожающая ирония заключается в этой ситуации. А девушку, с которой у Данила искренние отношения, – Алёну – “закрыли”. И камеры наблюдения день и ночь бдят за всяким мальчишкой и девчонкой, которые не идут в ногу. А мама. . .”Мама. Она сидит обычно на диване на их кухне, вечно грязной, тёмной, маленькой, узкой – делает салат и пьёт кефир – потому что ничего остального ей уже нельзя из-за плохого здоровья. Переключает каналы на телевизоре, пока не найдёт какой-нибудь сериал. В халате. Тоже грязном, застиранном – некогда купить новый, некогда перестирывать, некогда убрать. Всё некогда. Некогда вызвать сантехника и починить кран. Ничего не успеваешь. А поздними вечерами, когда приезжает из своей Балашихи, сидит и переключает каналы. Мама”.

Повесть кончается, когда всё только началось, всё завязалось. Повесть обрывается, как полёт птенца, выпавшего из гнезда своей страны. И по прочтении её делается больно. Но хочется продолжения.

О творчестве Юрия Лунина говорится и пишется сейчас немало. Это хорошо: Лунин – пример того, как можно создавать стоящие имена без широкого участия медиа. Мы-то уже и забыли об этом, а оказывается – можно. Конечно, если сам автор, подобно представителям своего поколения – Андрею Антипину, Елене Тулушевой, Ирине Иваськовой – даёт тому почву. О рассказе “Три века русской поэзии” тоже высказались. Судя по разноголосице, рассказ не прост. Ни цитировать, ни сильно углубляться уже нет смысла (да и довольно уже с этого Лунина!), поэтому – реплика по существу.

Герою рассказа семнадцать лет. Возраст сам по себе тонкий, острый, звонкий. Почти как шпага. И вот не знавший беды герой попадает под нож хирурга. Временно он выброшен из привычных координат и куда-то заброшен. Куда? Из текущего бытия, которое в силу автоматизма в нём происходящего покрывается плёнкой неподлинности, в бытие – сначала – порезанной кожи. Что-то в герое проявляется такое, что похоже на внезапное возникновение большого вопроса о жизни, о смысле происходящего. И тут – хлоп! – судьба: на полке в больнице ждёт героя том, убийственнее которого в этой ситуации и не придумать. В “порез на душе” запускает свои роковые щупальца русская поэзия. Три века, между прочим. А это серьёзно.

Лунину удаётся сделать самое главное, то, что и было необходимо. За кадром его кинематографического повествования, где один день выпал из общего потока (можно снять отличную авторскую короткометражку), стрекочет проектор или хрустит о поверхность времени иголка винилового проигрывателя.

Резко расширившийся для героя объём бытия немедленно вступает в противоречие с жизнью. Подлинность с реальностью. Потому что взрослые герои уже пожилы, они знают, что в сказке не удержаться. Что жизнь – плен, со всех сторон обступающий, необходимость, которую просто нужно осознать. Мы понимаем, что герою Лунина предстоит ещё очень многое. Но всё-таки он уже сможет сказать, что был человеком, что видел людей. Чтобы написать такой рассказ, надо долго жить с песней внутри, иначе ничего не получится.

Мария Знобищева – поэт очень серьёзный. Наверное, в реке русской поэзии она русалка. И вот – русалке без реки никуда, но и в реке без русалки образуется пустотность, пробел, щербина. Из этого следует, что пора лауреата и кандидата наук из перечня “надежд” уволить: иному имени пора быть верхней строчкой списка. . .

Мария пишет о войне:

*...Война бесконечна и вряд ли красива.
Наверно, они бы на наше “Спасибо”,
На залпы вечерних огней
Сказали: “Чего уж там, Маша и Витя.
Мы всё вам оставили. Только живите.
Живите, родные, дружней...”*

Пишет Знобищева всегда серьёзно, пишет всегда о важном. Поэзия для неё устоявшаяся, как образ жизни, форма, которая должна приводиться в движение энергией души. Это достаточно умеренная творческая позиция, однако дело в том, чтобы соответствовать заявленному “минимуму”: мы знаем, что это не все могут.

Вот о Татьяне Лариной:

*Она жила, как море, беспокоясь,
Бушуя пеной страхов и словес:
Любила так, что первый незнакомец
Ей показался ангелом с небес.*

*И все приличья жертвенно нарушив,
Она решила дело не умом:
Любила так, что собственную душу
Отправила любимому письмом...*

Многие из молодых авторов “НС” подлежат разговору отдельно, а не в группе. Хотелось бы прочесть книгу Марии Знобищевой, потому что есть ощущение, что её стихи принадлежат к тем явлениям, которые в своей совокупности могут звучать до того неуловимым обертоном.

Виктория Сагдиева порадовала нас двумя довольно жёсткими в смысле социальной нагрузки рассказами. Один – “Кайзер” – о том, как легко в результате недлинной цепи обыкновенных обстоятельств оказаться в необыкновенном месте. В психбольнице: “Кайзер Алексей. Шестнадцать лет. Из неблагополучной семьи. Отец не жил с ними. Мать умерла год назад в ДТП. Опекун оформила на себя бабушка. После смерти матери стал плохо учиться, был оставлен на второй год. Имел привод в ПДН. Бабушка лишена опеки, так как не справлялась с ребёнком. В детский дом попал в прошлый понедельник. За эту неделю конфликтовал с персоналом, пытался сбежать, разбил окно. Для госпитализации была вызвана бригада “скорой помощи”. Ребёнок вёл себя неадекватно – матерился, дрался. Ввиду девиантного поведения. . .”.

Виктория Сагдиева пишет правду. Описывает реальность, которая нарастает в нашем исполнительском социуме по мере смены поколений. Может быть, она эту реальность несколько по-молодому артикулирует. Но ведь есть, есть у нас всё это – не в Москве, так в Сибири: “Тошнотворная вонь внезапно открыла Лёше правду о психдиспансере. Весь этот лёгкий таблеточный флёр лишь сбивал с толку пациентов и посетителей. Это была газовая камера, в которой воняло тушёной капустой. Из неё нельзя выйти, нельзя кричать, паниковать, просить помощи. Нельзя быть ребёнком. Можно только сидеть в углу и молчать. Надо быть удобным для врачей, медсестёр, санитарок, чтобы бесследно не сгинуть в этой всепоглощающей вонь”.

Неудивительно, что эта юдоль, где медперсонал больше не хочет, а пациенты больше не могут, рискует быть подождённой девочкой-сомнамбулой. . .

Развязка у рассказа “идеалистическая”. Кайзер и Рыжий бегут на Алтай к старообрядцам. Помогает им в этом молоденькая “необыкшая” ещё медсестра. . .

Неправду и бесчеловечность психбольницы для детей Сагдиева отрицает, в общем-то, художнически произвольно. Но она поднимает проблему, которая

болит. Вкупе с уверенной работой прозаика – именно эта способность привлекает к ней внимание.

Александра Яковлева представила два рассказа, где автобиографическое (по всей видимости) переплетается с жизнью традиционных поселений севера Сибири.

После окончания учёбы молодая учительница возвращается в родной посёлок. “Цивилизация” тянет её к себе, но атмосфера, “гений места”, кажется, затягивает по-своему. Отправляясь искать свою школу, Ярославна (Яра) встречается в заколоченном здании непонятную старушку:

– А вы-то что здесь делаете? – Яра в последний раз оглядывает заброшенную школу.

– Так Давыдовна я. Старожилка тутошняя, кружок веду.

– Кому?

– Да известно кому: школьникам.

– Так всё-таки учатся здесь?

– Вроде молодая ты, а уже глухая. Я-те чего говорю? Аварийное здание, заколочено. Не положено тут детям. Садик, вон, отдали под школу...

Они уже на улице, и старушка машет рукой куда-то в сторону. Сквозь слепящий свет дня Яра пытается разглядеть детский сад.

– ...Всё равно три карапуза на посёлок. Но ты не беспокойся, дочка, у нас Маня завсегда готовая с дитём посидеть. А то и на урок возьми, он никому не помешает!

– Что вы, – смеётся Яра, – нет у меня детей.

– Это пока нет. Но будут же!

– Да я, может, с первым же вертолётom полечу отсюда.

Давыдовна смотрит на Яру из-под платка. Улыбается хитренько так:

– Ой, кэку! – тянет. – Закуковала Ярославна наша. Полечу, говорит, кукушкой... И детей бросишь тут одних, безмозглых?

– Да нет у меня никаких детей!

– Так уж и нет? Ну, пойдём, Кэку...”.

“Кэку” означает “кукушка”. А дети народа – это и твои дети тоже. И их целых восемь.

Только спустя месяц прилетает вертолёт. Но Яра его уже не слышит: “Яра как раз проверяет тетрадки подле окна с гороховыми занавесками и потихоньку ест ежевичное варенье, почти чёрное от зимнего закатного солнца. Баба Маня сидит тут же, на сундуке. Она тихо напевает что-то причудливое, расширяет Яре унты: “Вот – говорит, – лучшая обувь для тайги, а не эти твои покупные”.

Под её руками буйно цветут тонкие завитки, разноцветные лепестки. Узор складывается в птицу, и Яра чуть улыбается, узнав её. Это кэку”.

Так молодую учительницу руками старой жительницы посёлок “пришил” к себе. К своей маленькой судьбе места, где жизнь будто бы остановилась...

Рассказ “Вот она я”, в отличие от “Кукушки”, ведётся от первого лица. Это отчётливое, талантливое описание жизни семьи северного народа. Точно выдержанная тональность успокоенного временем и просветленного воспоминания.

В прозе Александры Яковлевой есть то, что можно назвать отличным художническим вкусом, она оставляет доброе и радостное впечатление открытия.

Рассказ Михаила Калашникова “Итальянская зима” – это пример того, как можно написать небольшой рассказ, но так, чтоб в него уместилась... война. Великая Отечественная – во многих главных своих чертах, напряжении и самопожертвовании защитников, в отношениях одних захватчиков (германских) с другими (венграми, итальянцами), в нескольких отчётливых картинках – за минуты до гибели, когда так хрустально ясна должна быть жизнь. Советский интернационал в составе пятерых смертников занял оборону на хуторке. Гитлеровский интернационал количеством более дивизии идёт по дороге, идёт на прорыв. Происходит месиво, в котором есть смысл, но которому нет оправданья. Итальянцы в колоннах наступающих, пленный итальянец-шофёр среди обороняющихся... Михаил Калашников написал мастерский и гжучий рассказ. Не буду искать отрывок – желаю вам прочесть его целиком.

Обращает на себя внимание подборка Марины Перовой:

Я человек.

И когда опускаешь на кровать —

Не любовное ложе —

На строгие смертные простыни,

*До последнего мига
Любовью и жизнью опростанный,
Я пойму, как мне дорого
Каждое слово моё...*

Тема человека-вселенной стара. Но давненько я не видел, чтобы её так писали: “Страшно быть человеком”, – заключает Перова. Марина Перова, и это в ней интересно, – самостоятельное дитя века. Не индивидуалистка, не коллективистка. Человек, что случается редко, не боящийся права на внутренне-личную самостоятельность. Конечно, это путь трагедийный (в эмоциональном плане), но прислушайтесь:

*Что ни делай — будет всё одно.
Только бы остаться человеком!
Может, завтра встретимся в кино
И закажем фрукты и вино?
Скоротаем век и станем веком.*

Или:

*Машины бьют дорогу сквозь метель.
Я скоро в этой буйной белизне
Одна чернеть останусь.*

Стихи Перовой – написаны, а не присочинены абы как. Мысли – помыслены, а не кое-как схвачены. Подобные совпадения-попадания случаются только у хороших поэтов:

*Старый колодец средь голой степи —
Чёрные брёвна и ржавь на цепи.
Вёдра пустые несут от него —
Выпило воду земное нутро.
Выпило воду — ни капли не взять.
Ветры из глубы земной сквозят.
Грязь на венцах — стылый гудрон.
Воздух чернее вдовы с похорон.
Держит засовы воздушная клеть —
Камень не может до дна долететь.
Скрипом колодезных журавлей
Ветер из глубы сквозит моей.
Чёрный безжалостный суховей
Вьётся над степью...*

Прозаик Максим Васюнов – журналист и режиссёр документального кино – написал рассказ-очерк о встрече на селе с пожилой матушкой-служительницей в храме. Она рассказала главному герою историю об иконе, о России, о пути к вере. Рассказ называется “Кукла”, потому что в далёком предвоенном детстве у героини была “кукла”, сделанная из обрезанной иконы. Героиня, начав жизнь с этой игры, с иконой своей – Божией Матери Знамение – расстаться уже не могла.

Не уверен, что такие истории могут быть придуманными. Как обрезать выброшенную в мир из церкви икону Богоматери и сделать куклу для дочери колхозника? Не-ет, такое “выдумывает” только сама жизнь. А писатель, оценив огромный смысл истории, доносит. Максим – донёс, и это пока говорит о нём больше, чем качества, изыски текста. И говорит хорошее.

Ольга Ефимова своими стихотворениями оставляет читателя на перепутье раздвоенности мнения. Ефимова обладает хорошим фонетическим слухом, смело и богато рифмует, иллюстрирует идеи рядом утончённых образов. Но образы эти хрупковаты, порой кажутся несколько надуманными, например:

*...В ноздри ударил яростный дух листьев.
Лепетом почв ты весело пренебрёг:*

*Шаг торопливый, птиц голоса чисты.
Капля свободы — жёлтый цветок у ног.*

Или:

*...Твердь орошаемой земли
О серость гальки резко бьёт.*

Со звуком здесь всё в порядке. Но как со смыслом? Образ поэта-современника, создаваемый Ефимовой, мы видим. Но если образ этот становится самоцелью, то нужно ли его было создавать, ведь и в нём — даже в образе героини — не очень много имеющего общее звучание, освещающего такую сложную, но неотъемлемую от человеческой истории социальную роль поэта. Не много (мы скорее встречаем не “поэта”, а “хипстера”...), но — есть. Нельзя не отметить стихотворение “Сотня дворов обветшалых. Там...”, и нельзя не прочитать вот эти строки из прощания с Севастополем:

*Осень к виску приблизилась роковым
Дулом холодным, длинной ручной пиццалью,
Я вернусь в этот город, дымом пороховым
Пропитанный.*

Обещаю...

Представительница Вологодчины Наталья Мелёхина пишет ладные и мудрые рассказы, подходящие и для взрослых, и для детей. Я подумал: будто и не рассказы это, а лирические миниатюры-молитовки. Отлично написанные, они очень теплы. Что добавить? Просто выпишу наугад один абзац из рассказа “Пестерь-невидимка”:

“Нам знакомы эти места так, что даже на ощупь мы опознаем не то что каждое деревце, но и каждую былинку, потому что эти травы, этот мох, эти ели росли вместе с нами. Кажется, и они тоже узнают нас по шагам, по запаху, по прикосновениям наших рук к ласковым зелёным лапам. И сам этот жест — будто спрятавшая когти-колючки лапа прижимается к ладони — так похож на рукопожатие”.

Из авторов, представленных на этот раз в разделе “Поэтическая мозаика”, нельзя не отметить двоих — Веру Бутко и Павла Великжанина. Крепкий стих Бутко радует нетривиальным этическим пафосом:

*...Под поцелуи подлецов
Не подставляю в страсти шею.
Враньём не пачкаю лицо.
Но главное, что я умею, —
Носить потёртое пальто
С апломбом итальянской дивы
И благодарной быть за то,
Что все, кто мне так дорог,
Живы...*

Рядом с такими людьми хочется жить.

А рядом с такими поэтами, как Великжанин, хочется писать. Безусловно, в стихотворении “От счастья” мы слышим кузнецовское присутствие. Но в таком виде оно может только порадовать:

*Я сплю, я сплю под стук колёс,
Я пущу, как мой стакан,
Но всё равно, как верный пёс,
Бежит к тебе строка.
К тебе за окнами бегут
Столбы и провода.
Дырявит снов моих лоскут
Полярная звезда.*

*К тебе гнёт ветер грозовой
Дождя диагональ.
Разлука яд пускает свой
По жалу слова “жаль”...*

Глубокие, как и положено быть настоящей литературе, очерки пишет Артём Попов из Северодвинска. Сколько важного, сколько лирического может передать нам время, схваченное аудиокассетой тридцать лет назад! Голоса людей, которых ты знал в детстве, которых больше нет, — их шутки, смех, пение... Вы представляете, как это может переворачивать душу? Артём написал об этом очерк-рассказ (тут вообще-то трудно провести жанровую грань с рассказом-очерком Максима Васюнова) “Прилетит вдруг волшебник...”. Действительно, время раскрылось голосами — по волшебству. Но волшебство не только функция техники. Без способностей к тому души сама по себе техника бессильна. Артёму Попову дано оживить для нас и то, чего будто бы не было. Зажечь “родные маячки” (так называется второй очерк) памятью о тех стариках из глухомани, о которых, конечно, не вспомнит история...

Дмитрий Филиппов не раз публиковал в “НС” свои исторические очерки о ленинградских страницах Великой Отечественной. Теперь история переплелась с литературой. С огромным интересом я прочёл работу “Ольга Берггольц. Голос блокадного Ленинграда”. Имя Берггольц известно всем, но благодаря Дмитрию лично я узнал о судьбе этого поэта много для меня ранее не известного. Времена Ольге Берггольц и её современникам выпали острые, грозные, жёсткие. Кто знает, что “голос Ленинграда” записывала в дневнике своём такие “прохладные строки”: “Я думаю, что ничто и никто не поможет людишкам, одинаково подлым и одинаково прекрасным во все времена и эпохи. Движение идёт по замкнутому кругу, и человек с его разумом бессилён”?..”

Тема такова, что Дмитрий предстаёт в ней на новом уровне писателя, готового к самому серьёзному разговору.

В конце номера в рубрике “Наши надежды” остаются только критические отзывы. Яны Сафроновой — на молодёжный номер журнала “Знамя” (№ 3 за 2019 год) и Константина Шакаряна — в ответ на либеральные “проносы” над могилой Глеба Горбовского. Сафронова пишет, что стихи о стихах — дело сомнительное. Думаю, не менее сомнительна и “критика” на критику, тем более, что “Знамени” я не читал. Посему замечу лишь, что статья эта — партийная статья, и автору виднее, что правильнее. Но в общем смысле, как мне кажется, партийность — это приправа. Данная в избытке, она однажды может стать отрицанием самой себя. Но использование “хэштегов” в наименованиях главок статьи (не могу быть уверен, что это находка именно Сафроновой), во всяком случае, можно только поприветствовать...

Константину Шакаряну же хочу заметить вот что. Статья сама по себе хорошая, Горбовского отстаивать надо. Но на таких зубров, как Быков и Кукулин, нужно иметь карточку! Пожалуй, именно Константину Шакаряну теперь лучше всего подкрепить сказанное в статье “И что ей те болонки?..” конкретной работой о творчестве Глеба Горбовского.

Напоследок осталась статья Андрея Ветлугина о современном российском кинематографе — его достижениях и серьёзных проблемах. Статья опубликована частично (продолжение следует), но уже налицо её любопытное содержание и горячая глубина. Вот отчёркнутая мной “для себя” цитата: “Целое поколение россиян — сиротливые и бессловесные егоры, неспособные даже на простейший контакт с себе подобными, а единственная доступная экспрессия воплощается в резкой вспышке ярости, ставшей результатом много лет подавляемой агрессии. “Ни плавать, ни ходить не умеем, — говорит Егор Белке, заставляя её плавать, разрабатывая большую лапу. — Ну, ничего, мы научимся”. Вот и сам Егор (а с ним и пол-России) — как та Белка: ни плавать, ни ходить...”

Уже по этой цитате видно, что Андрей здесь вовсе не случаен, что он хорошо понимает, о чём пишет. И что мы его на страницах “НС” ещё встретим.

По итогам “Наших надежд”-2019 выдвигаю тезис о том, что поэты Мария Знобищева, Кристина Кармалита, Марина Волкова, Алексей Низовцев, прозаики Юрий Лунин, Елена Тулушева, Михаил Калашников, Наталья Мелёхина, Дмитрий Филиппов, Андрей Антипин — это самый короткий список имён — “надежды” уже воплотившиеся. И, может быть, уровень ответственности для них пора повесить.